

Павел Никиткин

ЛИСТАЯ ПАМЯТИ СТРАНИЦЫ

Благовещенск
2013

**ПОВЕСТИ
И РАССКАЗЫ**

Кнут

Солнце ещё не вставало, когда Кнут на легкой бричке ехал по холмам, осматривая посевы.

От росистой травы ноги серого в яблоках жеребца Атамана стали тёмными. Конь всё время клонил красивую голову на сторону и косил чёрным глазом на седока, словно стараясь уловить момент, когда можно выкинуть какой-нибудь финт, чтобы избавиться от него, а вместе с ним и от брички. Это был сильный, красивый и своенравный жеребец хороших кровей. Три года назад его молодого привезли с конезавода для улучшения породы местных лошадок. Между прочим, колхоз, хотя и не был особо богат, отдал за него кругленькую сумму. Надеть на Атамана узду, а тем более запрячь, мог только один человек – колхозный конюх Тимофеич, много лет отдавший лошадям и конюшне.

На первых порах к жеребцу и подойти-то все боялись, а не то чтобы оседлать. Но Тимофеич жеребца укротил – запряг в тяжёлую фуру и направил в свежую пахоту. Много зрителей собралось посмотреть на поединок человека с животным. Долго упрявился конь, долго не хотел покориться, показывая свою силу и характер: вставал на дыбы, бил задом, старался выскочить из оглобель, и, в конце концов, обессиленный и загнанный, подчинился воле Тимофеича. Назад, к конюшне, шёл уже с кровавой пеной на губах, мокрыми боками, усмирённым. Но всё равно, запрячь его мог только один человек, а ездить – двое: Тимофеич и председатель колхоза Николай Ильич, или, как его называют сельчане, Кнут. Многие пытались прокатиться на Атамане: и зоотехник, и ветеринар, и даже молодой агроном. Но только проводит их от конного двора Тимофеич, только вернётся в свою кладовку, а с улицы уже слышно, как, храпя и стуча оторванными от передка оглоблями, без седока и брички возвращается Атаман. И все любители потеряли охоту покататься на Атамане. Все, кроме ветеринара. Только тот не сдавался.

– Всё равно он мне подчинится! Дармоед! На других лошадях лес таскают, пашут, навоз вывозят на поля, а этот – жрёт лучше всех да кобылиц довольствует.

– Ну, тогда довольствуй ты, а Атамана мы в плуг поставим, – заступался за коня Тимофеич. – «Кобылиц довольствует» – это его работа, для этого покупали.

– Всё равно он будет ходить под моей рукой! Тоже мне граф Потёмкин.

Кто такой граф Потёмкин, Тимофеич не знал и дальше спорить не стал. Ветеринар – мужчина уже в годах, повидал на своем веку и войну, и тюрьму – никак не мог смириться с тем, что какая-то животина его не слушается. Это его-то, кто в одиночку, без помощи со стороны, кастрирует молодых жеребчиков. Его могучих рук, украшенных наколками и рыжими волосами, побаивались многие мужики, а тут... Нет, не мог он этого перетерпеть. Не мог. Поэтому не оставлял злой жажды укротить Атамана.

Был для председателя ещё один конь – жеребец по кличке Король. Но уже не такой горячий, постаревший, с более спокойным и покладистым характером. Тот мог без привязи часами стоять у правления, на полевом стане или на току, подрёмывая, ожидая своего седока. На нём Кнут ездил каждодневно. А сегодня день особенный, почти праздничный.

Кнутом председателя назвали за его резкий и жёсткий характер и за то, что с этим ямщицким предметом он почти не расстается. К тому же привычка у председателя – всё стегать кнутом. Подойдёт в лугах к скирдующим сено – обязательно хлестнёт по зароду, придёт на стройку фермы – прочность кирпичной кладки проверит ударом кнута. Казалось бы, что можно почувствовать через ремённую плетёнку да деревянное кнутовище? Ан, нет... Такая уж привычка. Роду председатель не казачьего, специальность – никакой специальности, кроме той, что приобрёл на фронте, танкист – механизатор. И откуда эта привычка взялась – непонятно.

Сегодня председатель в приподнятом настроении. Удалось наконец-то рассечь ударом кнута дерматин на стоявшем в правлении диване. Сколько раз он пытался это сделать раньше – не получалось, а сегодня сдалась клеёнка, лопнула! Мальчишеская радость. Вот поэтому и приказал Тимофеичу заложить Атамана.

Утро обещало хороший солнечный день. На золотом, плавно переходящем в голубизну небе, где вот-вот должно показаться солнышко, не было ни одной крапины облаков. Встречный ветер приятно охлаждал лицо. Впереди светло-зелёными волнами колыхалось поле поспевающего овса. «Надо сказать конюху, чтобы накосил Атаману этого лакомства, – подумал председатель. – Хотя, зачем ему говорить, если он сам больше и лучше меня знает, как ухаживать за конём. Вон какой красавец: всегда

сыт, здоров и ухожен – каждая мышца играет, переливается. Но что там такое? – На краю поля Кнут заметил чёрную точку и прямо по посевам направил к ней коня. – Скотина или человек?»

В последнее время он обратил внимание на то, что все поля, что при-мыкают к деревням, по краям истоптаны и отравлены бесконтрольно гуляющими стадами гусей, овец и прочей домашней живности. Назначили на правлении объездчиков полей, дали каждому из них коня под седлом, обязали следить за порядком, наделили правом предупреждать население, что за поправу колхозных полей хозяева скота будут отвечать. Каких только мер не принимали: и предупреждали, и штрафовали, и в колхозные сараи скот частников загоняли, но толку – ноль. Как гуляли вольные телята с поросятами, так и продолжают гулять, не соблюдая границ. Выгаптывают, портят посева, съедают урожай на корню. Нет, надо с этим кончать! Пора навести порядок!

Подъехав ближе, он увидел девушку, собиравшую в холщовую сумку стручки гороха. Горох почему-то всегда растёт вместе с овсом, хотя специально вместе их никогда не сеют... Ни во ржи, ни в пшенице горох не встретишь, а только в овсах.

«Как? Почему? Кто позволил?!» – эти мысли прошли мозг. Ярость охватила председателя. Подъехав к девушке, он привстал и прямо с брочки наотмашь стеганул кнутом. От страшной боли её передернуло, потом она присела, и по бледному лицу из расширившихся от страха и боли голубых глаз покатались слёзы.

Но ни на глаза, ни на лицо глядел председатель. Он увидел, как после его удара, от резкого движения, из-под распахнувшейся телогрейки девушки стала видна молодая, белая, в мраморных прожилках, с розовым, окруженным мелкими пупырышками, соском грудь. Всё! Больше Кнут ничего не видел. Он грубо крикнул коню: «Стоять!», а сам повалил девушку на землю и тут же овладел ею.

И только потом, стоя на коленях над лежащей девушкой, он встретил взгляд её наполненных слезами голубых глаз. Но они смотрели не на него, они смотрели внутрь его. Этот взгляд вернул к действительности, заставил задуматься над тем, что произошло. Этот взгляд будет преследовать долго.

Он не поехал к дояркам на утреннюю дойку, как собирался, а вернулся на конный двор к Тимофеичу. Попросил, чтобы тот принёс в кладовку ведро воды и запер его снаружи. И чтоб до вечера не открывал и никому о нём не говорил ни слова.

– Может, Ильич, к Матрёне сходить? У неё бывает своя, не из кооперации. Что-то на тебе лица нет. Не случилось ли чего?

– Чего – своя? – не понял Кнут. А когда «дошло», сказал:

– Нет, не надо. Ничего мне не надо.

Весь день он провалился в кладовке на сенном матраце среди дуг, сёдел, колёс и вёдер с дёгтем и сыромятными ремнями. Весь день смотрел на стену, где висели хомуты да сбруя, а видел только голубые глаза, полные страха, укора и отчаяния. Как наваждение, они стояли перед ним. Под этим взглядом пытался осознать, что же толкнуло его на этот поступок. Нет, не поступок, а преступление. Не надо, даже перед собой, не надо умалять случившегося. Все нужно называть своими словами.

Чем вызвано это преступление? Почему вдруг отказали «тормоза»? Как он не смог устоять при виде молодого тела? Как животная похоть взяла верх над разумом, где была в это время его совесть, о какой порядочности может идти речь?

Уткнувшись лицом в матрац, он бил кулаком его сенное нутро, перерачиваясь навзничь, доставал папиросы и курил до горечи во рту, а мозг лихорадочно работал, подсовывая всё новые и новые оправдания. Но ни одно из них не удовлетворяло Кнута.

Ведь он женат, у него есть семья: жена и четырёхлетняя дочь. Правда, «женат» можно сказать с большой натяжкой – живёт-то один. Жена с дочкой приезжают в гости. «В гости» – и звучит как-то смешно. Но так и есть. Это случается один-два раза в месяц, а иногда и реже. Раньше их приезд был для него праздником, а потом привык. Привык к праздникам и одиночеству. Теперь и не ждёт их приезда и даже, если быть совсем откровенным, где-то глубоко в душе надеется, что в этот выходной они не придут. И курить опять начал то ли от тоски, то ли от нервной работы.

А как хорошо всё начиналось. Когда-то... Почему когда-то? Это было ровно пять лет назад.

Он, молодой боевой танкист – грудь в медалях «За отвагу», «За освобождение...», при ордене Красной Звезды, гвардии старший сержант, начищенный и наглаженный, – со своим фронтовым другом Иваном тёплым летним вечером пришли в городской парк на танцплощадку. Над парком, цепляясь за кроны деревьев, плыла музыка духового оркестра. По аллеям гуляли горожане. В основном это была молодёжь, а если еще точнее – это были девушки от шестнадцати и до... Группами и парами, в светлых платьях и белых носочках, с улыбками и букетиками цветов, они проходили мимо бравых молодых людей, бросая лукавые и интригующие взгляды. Сколько молодости, красоты и здоровья, сколько тайны и тепла было в этом вечере.

Каждая встречающая девушка, казалось, добавляла температуру телу Николая.

– Ваня, рулим на набережную, на ветерок – мотор перегревается.

Натанцевавшись до головокружения, до горения подошв, они спешили на речной ветерок. Это был их вечер. На танцплощадке они были нарасхват. Николай, выросший в деревне, был даже немного смущён вниманием к нему представительниц прекрасной половины человечества. Сначала он стеснялся того, что не совсем хорошо танцует вальс, что иногда своими хромовыми сапогами наступает на босоножки девушек, что не может так веселить партнёрш, как это делает его друг и бывший взводный Иван. Но потом и он вошёл в раж. Музыка сама вела его по деревянному полу, нет, не вела, а несла над полом танцплощадки.

На набережной во время очередного передыха они и познакомились с двумя девушками. Инициативу проявил Иван. Он всем руководил на правах местного старожилы.

Это по его приглашению Николай оказался в этом городе после демобилизации. Это он в беседах-мечтах о «гражданке» уговорил Николая не возвращаться в деревню, из которой потом никогда не выбраться, рисовал красивые картинки городской жизни. Иван рассказывал о таких вещах, про которые Николай и не слышал: о театре оперы, о музеях, о работе на крупном машиностроительном заводе, о своем сталелитейном цехе.

Да, Иван... Где-то он сейчас водит степные корабли? Подымает целину Оренбуржья. И Николая приглашал, но... Как жизнь распорядилась их судьбами!

Никогда не думали фронтовые друзья, что недолго придётся быть вместе, что покинут они и этот город, и завод. Что коренной горожанин Иван с молодой женой первыми поедут с комсомольскими отрядами в далёкие края. Что и Николаю суждено вернуться в деревню к святому труду хлебороба. Да...

Так вот, познакомились они тогда с хорошими девушками. Иван сразу положил глаз на светленькую Надежду. Николаю пришлось развлекать тёмненькую Тамару. А вообще-то, как потом призналась Тамара, девушки первыми приметили этих двух кавалеров и решили, во что бы то ни стало с ними познакомиться. Кто кого выбирал?

Уже на октябрьские праздники сыграли свадьбу Ивана и Надежды.

Свадьба была небогатой, но весёлой. Из дома Ивана гости расходились поздно вечером. Николай провожал Тамару. Шли по освещённой набережной, украшенной флагами и транспарантами. Из темноты неба падали снежинки, но, долетев до земли, тут же таяли, создавая сырость.

Дошли до городского парка.

– А ты помнишь, – сказала Тамара, – как было жарко, когда мы здесь познакомились?

– Помню.

– Давай постоим здесь. Первый снег... Красиво...

Стояли долго. Молчали. Николай закурил.

– А ты, Коля, брось курить.

Николай бросил папиросу в реку.

– Нет, ты не сейчас брось, а брось совсем. – Тамара всем телом прижалась к Николаю. – Это, наверное, придется сделать... – Потом она сказала: – Нам тоже пора подумать о свадьбе.

– ?

– Я уже не одна... Нас уже трое: ты, я и он.

– Кто он? – не понял Николай.

– Он – кто во мне.

Николай сразу даже не сообразил, что к чему. Немного опешил и не мог ничего сказать. Его долгое молчание обидело Тамару. Она отстранилась, отвернулась и сказала в ночь:

– Нет, на свадьбе никто не настаивает, и если ты этого не хочешь – не надо. И вообще, ты свободный человек. И можешь найти другую... Помоложе. Зачем тебе жена, которая на два года старше? – Она плакала.

Только тогда понял Николай, о чём идёт речь. Он хотел её обнять, но Тамара вырвалась и стала уходить. Он пошёл следом. «Какие два года? При чём здесь два года? Что за чушь?» – опять хотел взять её под руку.

– Подожди... Постой... Тамара, не плачь.

– Не надо... Вон сколько молодых девушек вокруг – выбирай, не зевай... Мне уже скоро двадцать пять... Чего ждать? Кого ждать? А ребёночка я всё равно рожу... Даже без тебя...

Николай мог вытерпеть всё, кроме женских слёз. Он много их видел. Видел частые слёзы своей матери, растившей их, четверых детей, без отца. Видел слёзы жён, провожавших мужей на войну. Видел слёзы целых семей, получивших похоронку. Он понимал те тяжёлые слёзы. Но почему плачет Тамара? Ведь он ничего ей не сказал, ничем не обидел. Ведь он тоже рад, что у неё, у них, будет ребёнок.

Долго пришлось её уговаривать, ласкать и клясться в любви. Долго потом сидели на скамейке парка. И когда Тамара почти успокоилась, когда между ними опять вроде бы установились хорошие отношения, она сказала:

– Проводи меня домой... Пойдём ко мне, я тебя познакомлю с родителями. Хотя нет, не сегодня. Сегодня, после свадьбы Нади и Ивана, будет нехорошо... Мама с папой не поймут... Их к этому надо подготовить... Конечно, если ты согласен на мне жениться. А если нет... Тебя никто не неволит... С малышом я не пропаду... Вон сколько матерей-одиночек...

И ничего, не пропадают... – Опять слёзы, опять уговоры, опять обещания... И решимость сегодня же пойти к её родителям и объявить о свадьбе-женитьбе.

– Нет, не сегодня... потом... через неделю... я сначала поговорю с мамой, а она – с папой. Потом, потом я тебе скажу, и ты придёшь.

Но прошла неделя, вторая, месяц, а Тамара ничего не говорила. Таковую неопределённость Николай терпеть не мог. И тогда он решил сам форсировать события. В один из вечеров, провожая Тамару домой, сказал:

– Похоже, что твои родители меня видеть не желают.

– Нет, нет... Что ты, Коля? Понимаешь, просто я не могу так сразу им всё объяснить. Я жду подходящий момент... Подожди ещё немного.

– Я-то подожду. Но скоро они и без объяснений поймут твоё положение.

Дня через два-три Тамара сказала, что папа и мама ждут их вечером. Но Николаю надо идти непременно в военной форме и обязательно при всех наградах – это желание самой Тамары.

Пошли.

Пришли к большому трёхэтажному дому с полуколоннами на фасаде. В фойе перед лестницей за столом сидел пожилой мужчина с большими седыми усами. Встал и в полупоклоне сказал:

– Добрый вечер, Тамара Егоровна. – И в сторону Николая: – Добрый вечер.

«Как швейцар в ресторане, только раздеться не предлагает», – подумал Николай.

По лестнице, застелённой красной ковровой дорожкой, поднялись на второй этаж. Тамара надавила на кнопку звонка у обитой кожей двери. Маленькая, сухонькая пожилая женщина открыла и тут же куда-то исчезла. Николай даже поздороваться с ней не успел.

– Раздевайся и проходи в залу, – сказала Тамара.

– А где здесь зала? – Николай видел только коридор да тяжёлые шторы слева и справа.

Он помог Тамаре снять шубу, снял шинель и сапоги и в шерстяных носках пошёл вслед за подругой.

Первое, что он увидел, войдя в «залу», – портрет четырёх вождей пролетариата, написанный маслом, в массивной золочёной раме, висевший на стене прямо против входа. Ниже портрета стояло пианино под белым чехлом. Посреди комнаты – круглый стол, покрытый немецкой скатертью (такие он видел у солдат, возвращавшихся из Германии). Вокруг стола стояли «венские» стулья. Потолок высокий. Стен почти не видно из-за тяжёлых портьер, спускающихся от потолка до самого

пола. На полу огромный ковёр. Между окон стояли тумбочка с большой вазой, этажерка с рядами книг в одинаковых переплётках, тумбочка с телефонным аппаратом. Вдоль глухой стены – без окон и штор – стоял стеклянный шкаф с горками посуды. «Зала» освещалась огромной люстрой с множеством хрустальных висюлек.

«Как в музее», – подумал Николай.

– Проходи, садись, чего стоишь? – шёпотом сказала Тамара и кивнула на стул. Сама же исчезла за портьерой.

Николай сел и продолжал разглядывать обстановку. Долго сидел, потом сбоку послышалось предупреждающее покашливание Тамары, и в «залу» «вплыла» крупная молодящаяся женщина с двумя подбородками. У неё было холёное, ухоженное лицо с сильно подкрашенными бровями и губами. На голове копна красиво уложенных волос. «И как она спит? Ведь поломает такую красоту. Столько трудов». Одетая в китайский халат, расписанный большими цветами и райскими птицами. Из-под него выглядывала белая кофта с кружевным воротничком.

– Познакомься. Это моя мама.

– Зоя Сергеевна, – назвалась та и подала пухленькую руку.

– Николай, – смутившись, протянул свою.

– Ну что ж, давайте посидим, поговорим, пока не пришёл Егор Кузьмич, папа Томочки. Она рассказывала вам о нём?

– Нет, не рассказывала...

– Ну, ничего, вот придёт – и вы его увидите. Лучше раз увидеть, чем сто раз услышать. Так в народе говорят? А вы расскажите о себе: где родились, где воевали, где работаете. И вообще...

Николай начал рассказывать, но по виду Зои Сергеевны понял, что она о нём всё знает, а его повествование нужно только для заполнения ожидания. Он рассказал о себе почти всё. Зоя Сергеевна сидела, положив руки на стол, и играла пальцами, украшенными перстнями и маникюром. Она изредка переглядывалась с Тамарой, переводила взгляд то на входную дверь, то на рассказчика, кивала головой и при этом говорила «да-да», делая вид, что внемлет рассказу. Но когда Николай заговорил о работе и сказал, что работает на машиностроительном заводе, она оживилась.

– О, так вы работаете у Егора Кузьмича? Он ведь директор этого завода. А вы не знали?

– Нет, – сказал Николай и посмотрел на Тамару. Та покраснела, будто ей было стыдно, что её отец работает директором завода.

– А вы знаете, я ведь тоже работала, – продолжила разговор Зоя Сергеевна. – Провизором в аптеке. Но врачи запретили по состоянию моего здоровья. И вот я вынуждена оставить любимую работу, и теперь